

pereselentsev-starobryadtsev-na-Altay.html

(дата обращения:

10.06.2026).

7. Камень и вера. Жизнь старообрядцев на Алтае // Фонд Общественное Мнение. URL: <https://zapovednik.space/material/kamen-i-vera> (дата обращения: 10.06.2026).

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦЕННОСТИ МОЛОДЁЖИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Урумкулова Н. Т., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. В статье исследуется трансформация идентичности и ценностных ориентаций молодёжи Центральной Азии в контексте евразийской интеграции. На основе верифицированных социологических данных и академических исследований рассматривается, каким образом молодое поколение Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана конструирует свою идентичность на пересечении традиционных этнокультурных норм, исламского наследия, постсоветских ценностных паттернов и глобальных культурных влияний. Выявляются основные противоречия в процессе ценностной социализации молодёжи: между коллективизмом и индивидуализмом, локальной принадлежностью и наднациональными идентичностями, религиозной традицией и светским образованием. Обосновывается, что молодёжь Центральной Азии является одновременно субъектом и объектом интеграционных процессов, а её ценностный профиль во многом определяет долгосрочные перспективы евразийского сотрудничества. Предлагаются рекомендации по учёту молодёжного измерения в гуманитарной политике евразийских интеграционных институтов.

Ключевые слова: молодёжь, Центральная Азия, идентичность, ценностные ориентации, евразийская интеграция, социокультурная трансформация, этнокультура, постсоветское пространство, межкультурный диалог, молодёжная политика.

IDENTITY AND VALUES OF CENTRAL ASIAN YOUTH AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL INTEGRATION IN THE EURASIAN SPACE

Urumkulova N. T., Bishkek (Kyrgyz Republic)

Abstract. The article examines the transformation of identity and value orientations of Central Asian youth in the context of Eurasian integration. Drawing on verified sociological data and recent academic

research, it analyzes how the younger generation of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan constructs its identity at the intersection of traditional ethnocultural norms, Islamic heritage, post-Soviet value patterns, and global cultural influences. The main tensions in youth value socialization are identified: between collectivism and individualism, local belonging and supranational identities, religious tradition and secular education. It is argued that Central Asian youth simultaneously acts as subject and object of integration processes, and its value profile largely determines the long-term prospects of Eurasian cooperation. Recommendations are proposed for incorporating the youth dimension into the humanitarian policies of Eurasian integration institutions.

Keywords: youth, Central Asia, identity, value orientations, Eurasian integration, socio-cultural transformation, ethnoculture, post-Soviet space, intercultural dialogue, youth policy.

Центральная Азия переживает демографическое омоложение, где медианный возраст населения пяти стран региона составляет 26,6 лет, совокупная численность превышает 80 миллионов человек и продолжает расти [13]. По данным Международной организации по миграции, молодёжь в возрасте 15-29 лет составляет от 25 до 30% от общей численности населения в каждой из стран региона, формируя наиболее многочисленную социальную группу [9]. Именно это поколение будет определять характер межгосударственных отношений, вектор участия в евразийских интеграционных форматах, а также степень устойчивости локальных идентичностей перед лицом глобальных культурных трансформаций.

Молодёжь Центральной Азии формируется в условиях беспрецедентного ценностного полилога. Постсоветское наследие, рост религиозности, распространение цифровых медиа, образовательная мобильность и трудовая миграция одновременно воздействуют на процессы идентификации молодого поколения. Ключевая особенность региона состоит в том, что молодые люди, как правило, не выбирают между традицией и современностью, а конструируют «гибридные идентичности», сочетающие оба начала [3]. Данная стратегия неоднородна и задаётся множеством факторов, в частности, страной проживания, городской или сельской средой, образовательным и социальным статусом.

Устойчивость евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, ШОС и других форматов во многом зависит от того, насколько молодёжь стран-участниц разделяет общие ценности и готова к межкультурному взаимодействию. Вместе с тем анализ академической литературы последних лет свидетельствует, что «евразийская» идентичность

остаётся для большинства молодых людей Центральной Азии абстрактным политическим конструктом, лишённым живого культурного содержания [10]. Это определяет ключевой вызов для интеграционных институтов.

Цель статьи – проанализировать ключевые характеристики идентичности и ценностных ориентаций молодёжи Центральной Азии, выявить основные факторы и векторы их трансформации, а также оценить интеграционный потенциал молодёжи региона в контексте евразийского сотрудничества.

1. Теоретические основания: идентичность, ценности и интеграция

Идентичность в современной социальной науке понимается не как данность, а как непрерывный процесс конструирования смысловой принадлежности индивида к тем или иным социальным, культурным, этническим и религиозным сообществам [1; 4; 7]. Для молодёжи этот процесс особенно динамичен, так, именно в юношеском и раннем взрослом возрасте происходит интеграция унаследованных культурных кодов, актуальных социальных влияний и личностных проектов будущего. Теория социальной идентичности Тэшфела и Тёрнера [19] объясняет, каким образом принадлежность к множественным группам — этническим, религиозным, национальным, наднациональным — выстраивается в иерархические конфигурации, подвижные в зависимости от социального контекста.

Ценностные ориентации — устойчивые предпочтения в отношении целей и принципов жизнедеятельности — формируются в процессе социализации и выступают важнейшим регулятором социального поведения [14; 15]. Применительно к Центральной Азии модель базовых человеческих ценностей Шварца позволяет операционализировать наблюдаемое сосуществование коллективистских традиционных норм с нарастающими индивидуалистическими ориентациями. Сравнительное эмпирическое исследование [3], применявшее шкалы Рокича и Шварца к казахстанской студенческой молодёжи (N=600) с верификацией по данным WVS-2018, показало, что традиционные ценности — прежде всего семья — сохраняют безусловный приоритет, однако ценность карьерного и личного успеха заметно возросла за последнее десятилетие.

Связь между ценностями молодёжи и интеграционными процессами носит двунаправленный характер. Ценностная близость населения создаёт благоприятную почву для политической и экономической интеграции, снижает транзакционные издержки

межгосударственного взаимодействия [5; 6]. В свою очередь, интеграционные процессы — через образовательные обмены, трудовую мобильность, медийное пространство — активно воздействуют на ценностную социализацию молодёжи. Международный массив данных WVS (волна 7, 2017-2022), включающий Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, является на сегодняшний день наиболее верифицированным инструментом межстрановых сравнений ценностей в регионе [8].

2. Ценностный профиль молодёжи Центральной Азии: традиция, постсоветская матрица и глобальные влияния

Ценностный профиль молодёжи Центральной Азии формируется на пересечении трёх мощных социализирующих систем: традиционной этнокультурной, постсоветской и глобальной. Анализ данных WVS (волна 7) и исследований FES демонстрирует, что эти системы не замещают, а наслаиваются друг на друга, порождая «гибридные» ценностные конфигурации, специфические для каждой страны и субгруппы молодёжи [3; 8].

Традиционная этнокультурная система ценностей строится вокруг нескольких ключевых концептов. Приоритет семьи и рода (кырг. «жети ата» — семь предков, казах. «жеті ата», тадж. «хешу табор») задаёт горизонт идентичности молодого человека как звена родовой цепи. Концепт уважения к старшим (кырг. «улуу адамдарды урматтоо», казах. «үлкенді сыйлау», узб. «катталарни хурмат қилиш») формирует вертикальную иерархию социальных отношений. Исламские ценности — гостеприимство, взаимопомощь (кырг. «ашар», узб. «хашар») — глубоко интегрированы в повседневный этос, воспринимаясь нередко не как религиозные предписания, а как «народные» нормы. Это характерно как для более религиозных Таджикистана и Узбекистана, так и для более светского Казахстана [11].

Постсоветская ценностная матрица продолжает оказывать значительное влияние, особенно в городской среде Казахстана и Кыргызстана. Исследование FES [16], основанное на репрезентативном опросе 1000 молодых казахстанцев в возрасте 14-29 лет (2020 г.), фиксирует: молодые люди «склонны к более традиционным установкам в отношении семьи, брака и детей», одновременно демонстрируя высокую ориентацию на образование и карьеру. При этом 41% молодых респондентов назвали «личный успех и карьеру» значимым жизненным приоритетом — существенно больше, чем фиксировали исследования предыдущего десятилетия. Значимость русскоязычного медийного пространства и образовательных связей с Россией дифференцирована по странам: она значительно выше в

Казахстане и Кыргызстане, чем в Узбекистане и Таджикистане, что подтверждается данными WVS о языковых предпочтениях молодёжи [8].

Глобальные культурные влияния, резко усилившиеся с распространением смартфонов в 2010-е годы, привносят ориентации на индивидуальную самореализацию и гендерное равенство. Данные WVS (волна 7) демонстрируют характерную картину: Казахстан заметно ближе к полюсу «секулярно-рациональных» и «ценностей самовыражения», тогда как Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан располагаются в более традиционалистском секторе [8]. Вместе с тем во всех странах региона исследователи фиксируют сходный «гибридный» паттерн: молодые люди принимают глобальные карьерные ориентации, не отказываясь от традиционных семейных ценностей [3; 12].

3. Идентичностные напряжения: основные линии противоречий

На основании верифицированных исследований можно выделить четыре устойчивые линии идентичностных напряжений в молодёжной среде Центральной Азии.

Первая линия — между коллективизмом и индивидуализмом. Традиционные нормы, предписывающие подчинение личных интересов интересам семьи (в том числе при выборе профессии, брачного партнёра и места жительства), вступают во всё более острое противоречие с индивидуалистическими ориентациями, транслируемыми цифровыми медиа и образовательными институтами. Согласно исследованию [16], в Казахстане около трети молодых женщин ощущают прямой конфликт между карьерными амбициями и ожиданиями семьи. В более традиционных обществах – Узбекистане и Таджикистане – этот разрыв выражен сильнее. Примечательно, что молодые люди, как правило, не воспринимают данное противоречие как неразрешимое: большинство стремится к синтезу, а не к выбору одной из сторон [3].

Вторая линия – между исламской идентичностью и светским образом жизни. В последнее десятилетие во всех странах Центральной Азии фиксируется рост религиозности молодёжи – как в форме соблюдения обрядов, так и в форме интереса к исламскому образованию. Ларуэль [11] показывает, что в регионе сложилась устойчивая модель «умеренной религиозности»: большинство молодых людей не считают религию несовместимой со светским образованием и профессиональными амбициями. Вместе с тем радикальные формы исламизма создают риски прежде всего для

молодёжи на маргиналиях социальной структуры. Детальный анализ механизмов вовлечения в насильственный экстремизм в Казахстане [17] выявляет роль криминальных молодёжных субкультур, идеологических сетей и интернет-пропаганды как факторов радикализации.

Третья линия – между национальной идентичностью и наднациональными горизонтами принадлежности. Молодёжь стран Центральной Азии демонстрирует высокий уровень национальной идентификации, тогда как «евразийская», «центральноазиатская» и «тюркская» идентичности остаются слабыми. Как показывает Routledge Handbook of Contemporary Central Asia [10], государства региона в целом движутся в сторону усиления государственно-центричных нарративов нациестроительства, что объективно затрудняет формирование наднациональной идентификации среди молодёжи. Данные WVS (волна 7) по странам региона фиксируют, что лишь незначительная доля молодых людей идентифицирует себя в первую очередь как «гражданин мира», тогда как национальная идентичность устойчиво доминирует [8].

Четвёртая линия – между городом и периферией. Молодёжь крупных городов демонстрирует принципиально иной ценностный профиль по сравнению со сверстниками из малых городов и сельской местности: более высокий уровень индивидуализма, светскости и космополитизма. По данным OSW [13], к 2025 году в городах проживает около половины населения региона, однако урбанизация продвигается неравномерно: Казахстан значительно опережает остальные страны. Это расслоение создаёт риски социальной фрагментации как внутри каждой из стран, так и на региональном уровне.

4. Молодёжь как субъект евразийской интеграции: потенциал и барьеры

Молодёжь Центральной Азии обладает значительным потенциалом как субъект евразийской интеграции. Прежде всего, это высокий уровень образовательной мобильности. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2023/24 учебном году в российских вузах обучалось свыше 120 тысяч граждан центральноазиатских государств, из которых граждане Казахстана составляли около 62 тыс., Кыргызстана – 28 тыс., Таджикистана – 19 тыс., Узбекистана – 12 тыс. [2]. Образовательные обмены формируют личные сети доверия и межкультурной компетентности – важнейший «мягкий» ресурс интеграции.

Во-вторых, трудовая миграция создаёт обширные транснациональные сообщества молодых людей, одновременно

живущих в нескольких культурных пространствах. По данным МОМ [9], по состоянию на конец 2023 года около 285 тысяч граждан Кыргызстана проживали в России; из Таджикистана туда прибывало около 98% всех внешних мигрантов. Молодые мигранты осваивают практики межкультурного взаимодействия и формируют диаспорные идентичности, которые могут служить неформальной основой интеграционных связей. Вместе с тем после 2022 года Россия постепенно утрачивает безоговорочное доминирование как направление трудовой миграции: растёт значимость Турции, Южной Кореи и стран ЕС [13], что диверсифицирует пространство ценностных и идентичностных влияний на мигрантскую молодёжь.

В-третьих, цифровое пространство создаёт новые возможности для горизонтального взаимодействия молодёжи региона. Согласно докладу «Worldviews of Youth» [18], значительная доля молодёжи региона в возрасте 18-35 лет активно использует интернет, демонстрируя высокий уровень цифровой вовлечённости. Общие медийные платформы (Telegram, TikTok, ВКонтакте) и русскоязычный контент формируют информационное пространство, которое может служить основой культурной интеграции нового типа – снизу, минуя институциональные каналы.

Главный барьер для реализации интеграционного потенциала молодёжи – дефицит позитивных евразийских нарративов, способных конкурировать с националистическими и глобалистскими дискурсами. Евразийская интеграция ассоциируется у значительной части молодых людей региона прежде всего с трудовой миграцией и экономической необходимостью, а не с культурной близостью или общим цивилизационным проектом [10]. Помимо этого, демографический рост создаёт устойчивый дефицит образования и занятости, который национальные экономики не всегда способны покрыть, тем самым превращая миграцию в вынужденный, а не добровольный интеграционный выбор [13].

5. Рекомендации по молодёжному измерению евразийской интеграционной политики

На основании проведённого анализа можно сформулировать четыре направления политики.

Первое – развитие молодёжных обменных программ с культурной составляющей. Существующие форматы академической мобильности и молодёжных форумов необходимо дополнить программами культурного волонтерства, совместными этнографическими экспедициями и молодёжными резиденциями в области культуры и искусства. Неформальные, лично значимые контакты — именно

они, как показывает опыт программ FES [16], — формируют устойчивые межкультурные связи, становящиеся социальным капиталом интеграции.

Второе — создание привлекательных евразийских нарративов для молодёжной аудитории. Евразийским институтам необходимо инвестировать в производство культурного контента (кино, музыка, литература, игровая индустрия), обращаясь к общему историческому и культурному наследию народов региона на языке, понятном молодёжи. Важно опираться на живые культурные практики — эпос, народные виды спорта, традиционную музыку, — а не на официальную символику.

Третье – поддержка гражданских инициатив молодёжи в сфере межкультурного диалога. НКО, молодёжные объединения, студенческие клубы, занимающиеся темами этнокультурного разнообразия, нуждаются в институциональной и финансовой поддержке. Особую роль здесь могут сыграть университеты как площадки встречи молодёжи из разных стран — подобно тому, как это реализует FES в Казахстане [16].

Четвёртое – учёт ценностного многообразия при формировании интеграционной повестки. Политика евразийских институтов в отношении молодёжи должна исходить из признания гибридности идентичностей, а не из попыток навязать единый нормативный образец. Уважение к локальным традициям является необходимым условием легитимности интеграционного проекта в глазах молодого поколения — тем более что данные WVS и исследований FES показывают: молодёжь региона успешно сочетает традиционные и современные ценности без жёсткого противопоставления [3; 8].

Заключение

Молодёжь Центральной Азии представляет собой одновременно наиболее динамичный и наиболее уязвимый элемент евразийской социокультурной системы. Её ценностный профиль — гибридный, напряжённый, внутренне неоднородный — отражает всю сложность трансформаций, переживаемых регионом в условиях многополярной геокультурной перестройки. Традиционные этнокультурные ценности, постсоветская матрица, усиливающееся исламское самосознание и глобальные индивидуалистические ориентации создают уникальную конфигурацию, которую нельзя свести ни к «традиционализму», ни к «вестернизации» [3; 11].

Для евразийской интеграции этот ценностный профиль открывает реальные возможности: высокий уровень образовательной и трудовой мобильности, значительный демографический потенциал,

глубинная этнокультурная близость народов региона. Реализация этого потенциала требует перехода от декларативного к содержательному молодёжному измерению евразийской политики: от форумов и деклараций — к реальным программам, нарративам и пространствам диалога, в которых молодёжь Центральной Азии могла бы обнаружить себя не объектом интеграции, а её подлинным субъектом.

Перспективами дальнейших исследований являются сравнительные эмпирические опросы с применением стандартизированных методик (WVS, адаптация шкалы Шварца) по всем пяти странам региона, включая Туркменистан, данные по которому остаются крайне ограниченными в открытом доступе, а также качественное изучение нарративов идентичности в контексте образовательной миграции и цифровой социализации.

Литература

1. Конструирование идентичности как политико-коммуникативный процесс на просторах Евразии / Э. А. Абдыкахаров, Э. Д. Апсаматова, Ж. Н. Фрунзеева [и др.] // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. – С. 153-156.
2. Численность иностранных студентов в России // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 20.05.2026).
3. *Buribayev Y., Khamzina Zh., Buribayeva A. Between Traditions and Globalization: Value Orientations of Kazakhstani Youth* // *Frontiers in Sociology*. 2025. Vol. 10. Art. 1563274. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1563274.
4. *Castells M. The Power of Identity*. 2nd ed. Malden: Blackwell, 2004. — 537 p.]
5. *Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication*. 2nd ed. Cambridge: MIT Press, 1966. 345 p.
6. *Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950-1957*. Stanford: Stanford University Press, 1958. 552 p.
7. *Habermas J. Between Naturalism and Religion*. — Cambridge: Polity Press, 2008. [Рус. пер.: Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. — М.: Весь мир, 2008. — 336 с.]
8. *Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A. et al. (eds.). World Values Survey: Round Seven. Country-Pooled Datafile Version 5.0*. Madrid; Vienna: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.20.
9. IOM. Europe and Central Asia: A Region on the Move. Migration Data Report 2023-2024. Geneva: IOM, 2024. URL:

- <https://publications.iom.int/books/europe-and-central-asia-region-migration-data-report-2023-2024> (дата обращения: 20.05.2026).
10. Isaacs R., Marat E. (eds.). Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. Abingdon; New York: Routledge, 2022. 432 p.
11. Laruelle M. (ed.). Being Muslim in Central Asia: Practices, Politics, and Identities. — Leiden; Boston: Brill, 2018. 327 p.
12. Laruelle M. (ed.). The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan. Lanham: Lexington Books, 2019. 282 p.
13. OSW Centre for Eastern Studies. Long Live Youth: Demography of Central Asian States / OSW Commentary. Warsaw: OSW, 2025. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2025-08-27/long-live-youth-demography-central-asian-states> (дата обращения: 20.05.2026).
14. Rokeach M. The Nature of human values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
15. Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1-65.
16. Sharipova D., Beimenbetov S. Youth in Kazakhstan: Assessing Their Values, Expectations, and Aspirations. Almaty: Friedrich-Ebert-Stiftung in Kazakhstan, 2021. 87 p. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/18450.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
17. Sharipova D., Beissembayev S. Causes of Violent Extremism in Central Asia: The Case of Kazakhstan // Studies in Conflict & Terrorism. 2023. Vol. 46. No. 9. P. 1702-1724. DOI: 10.1080/1057610X.2021.1872163.
18. Silk Road Studies Program. Worldviews of Youth: Central Asia, Mongolia, and the Post-Soviet Space. Washington, D.C.: ISDP, 2024. URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/2604Youth-merged.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
19. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.

ИСЛАМСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Хапчаев С. Т., Ставрополь (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается исламская правовая культура как ресурс межэтнического диалога, социальной интеграции и профилактики радикальных интерпретаций в евразийском пространстве. Автор показывает, что конструктивное использование религиозно-правовой традиции возможно только при различении шариата, фикха, фетвы, позитивного законодательства и локального обычая, а также при безусловном признании приоритета конституционного правопорядка. Особое внимание уделено значению темы для региональной политики, правового просвещения и ведомственного юридического образования.

Ключевые слова: исламская правовая культура, межэтнический диалог, евразийская интеграция, социальная интеграция, религиозная идентичность, профилактика радикализации

ISLAMIC LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF INTERETHNIC DIALOGUE IN THE EURASIAN SPACE

Khapchaev S. T., Stavropol (Russia)

Abstract. The article examines Islamic legal culture as a resource for interethnic dialogue, social integration and prevention of radical interpretations in the Eurasian space. The author argues that the constructive use of religious and legal tradition requires a clear distinction between Sharia, fiqh, fatwa, positive legislation and local custom, as well as unconditional recognition of the priority of the constitutional legal order. Particular attention is paid to the relevance of the topic for regional policy, legal education and professional training.

Keywords: Islamic legal culture, interethnic dialogue, Eurasian integration, social integration, religious identity, prevention of radicalization

Евразийское пространство исторически формировалось как зона взаимодействия различных этнических, языковых и религиозных общностей. В ряде регионов России, Центральной Азии и Кавказа мусульманская традиция участвовала в выработке представлений о справедливости, обязанности, достоинстве, взаимной помощи и допустимых формах публичного поведения. Именно поэтому исламская правовая культура представляет интерес не только для религиоведения и сравнительного правоведения, но и для анализа